

АНАСТАСИЯ ШЕРР

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Бешеный

Анастасия Шерр

Бешеный

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шерр А.

Бешеный / А. Шерр — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Он злой, опасный, бешеный. Мне бы держаться от него подальше. Бежать, не оглядываясь... Но лишь один его взгляд убил и разум, и инстинкт самосохранения. И лететь мне на этот огонь, пока крылья не сгорят дотла. Внимание! Книга имеет не общепринятый конец! Все герои на момент вступления в интимные отношения - совершеннолетние! Содержит нецензурную брань.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

ВНИМАНИЕ!!!

В книге присутствуют сцены насилия (в том числе и сексуального), эротика, мат! Главный герой – негодяй, подонок, бандит! Автор не рекомендует к прочтению лицам с тонкой душевной организацией!

17 октября 2017 г.

Он очень меня пугает.

Невыносимо.

До дрожи в коленках и сухости в горле.

Его взгляд дикий, сумасшедший... Он пробирается под кожу и остаётся там навечно.

Я боюсь его, но продолжаю смотреть в эти звериные глаза, не моргая и, кажется, не дыша.

– Мариш, ты чего застыла? Нам в процедуру ещё надо зайти, – из марева, что обволакивало сознание меня выдернула Лена. – А на этого не смотри даже. Он-то, конечно, красивый мужик, только псих полный. Вчера, говорят, одного из пациентов чуть не задушил. В глотку вцепился пальцами, санитары еле оторвали.

По взгляду Лены было понятно, что она сама не против познакомиться поближе с новеньким пациентом, но побаивается.

– А кто вообще такой? – спросила, всё так же глядя в чёрные глаза незнакомца, что, вальяжно облокотившись о стену, наблюдал за мной с кривоватой ухмылкой.

– Да бандит какой-то. Его к нам привезли из Москвы. Представляешь, ему в голову стреляли. Пулю из башки еле выковыряли, думали умрёт, а он живее всех живых. Только приступы агрессии начались. Вот к нам и пожаловал. Ну ничего, клиника у нас, что надо. И не таких на ноги ставили. А как он в себя придёт, можно и познакомиться поближе.

Узнаю Лену. Ей всегда мало мужчин, сколько бы их не было. Причём каждый думает, что он единственный.

Моя подруга – талантище.

А мне вот как-то не свезло со второй половинкой. После болезненного развода полностью посвятила себя детям и как-то даже не задумывалась никогда, чтобы снова попытаться счастья.

Наверное, поздно уже...

Да и кому я нужна с двумя детьми?

– Так, а что это мы прохлаждаемся, я не поняла?! – Кира Михайловна пожаловала.

Редкая стерва.

Но как-никак старшая медсестра.

Послать не получится.

– Ой, Кира Михална, вы гляньте только, какой брутал этот новенький, – Лена кивнула на пациента. – Как думаете, стоит мне подождать, пока ему мозги в кучу соберут?

Михайловна фыркнула и покачала головой.

– Дура ты, Ленка. На кой-тебе этот бешеный сдался? Это тебе не твой Василий забитый. От такого не погуляешь – голову оторвёт и скажет, что так оно и было.

Лена вздохнула и, махнув рукой, пошла за Кирой Михайловной.

Я же стояла ещё добрых пять минут, словно меня к полу гвоздями прибили.

Жутко и как-то волнительно. Возникло странное ощущение и на коже появились «мурашки», как будто он касался меня не взглядом, а руками.

А потом он ушёл.

Вот так вот просто развернулся и пошёл в свою палату.

Странный...

Пятью часами позже

– Я дома! – хлопнула дверью и облегчённо вздохнула.

– Мама пришла! – с диким визгом (впрочем, как обычно) меня встречала младшая дочь. – Санька, ты слышишь?! Мама пришла!

Санька-то может и слышал, только встречать меня явно не торопился. Видимо, снова двойку отхватил, а может подрался с кем-то.

С каждым днём я всё меньше узнавала своего некогда ласкового и послушного сына. Он превращался в своего отца и ничего поделаться я не могла. Бить – рука не поднимается. Разговаривать – без толку.

Так и живём...

Зато Ксюшка своими маленькими умелыми ручками уже мастерски разминала мне плечи, пока я снимала обувь.

– Мамочка, а я приготовила суп. Ты голодна? – чудо, а не ребёнок.

Улыбнулась и обняла дочь.

– Очень голодна, зайка. Я бы сейчас даже тебя съела бы! – стиснула малышку в объятиях и та зашлась от смеха.

– Санька опять с фингалом пришёл, – прошептала мне на ухо.

Что ж, я не удивлена. Только устраивать очередные разборки не было никаких сил.

Всё-таки мать не может заменить парню отца. Как не крути, а мужчина в семье нужен...

Только где ж его взять?

Тот, что отцом биологическим называется едва ли помнит имя своего сына. Кроме водки его вообще мало что волнует.

Собственно, потому и развелась.

Одно дело быть матерью одиночкой и молча тащить на себе двух своих детей, а совсем другое – иметь в доме мужика, но так же тащить всё на своём горбу, при этом прятать последние гроши под ковром, чтобы не пропил.

– Ну, а у тебя как дела? – собралась с силами и поднялась со стульчика.

– А я пятёрку получила по русскому! – тут же защебетала Ксюшка, таща меня за руку на кухню. – Мам, а мне сон прошлой ночью снился... Что папа к нам вернулся... Только не такой, как был. Другой папа. Богатый очень и хороший.

Я плюхнулась на стул и снисходительно улыбнулась дочери.

Да, хороший папа нам бы не помешал. Только из сна его не притащишь.

– Нам хватает денег, разве нет? По-моему, неплохо живём, – беззаботно пожала плечами, тщательно скрывая от Ксюши свои эмоции.

А так хотелось зареветь белугой. Чтобы с истерикой и воплями...

Нельзя.

Не имею права.

– А с папой было бы лучше, – недовольно проворчала дочь, наливая в тарелку прозрачный суп.

Питерская погода полностью соответствует настроению. Дерьмо на улице – дерьмо в душе. Всё как-то мрачно и тускло.

Даже пожалел, что приехал сюда.

Но, в конце концов, не девица красная – плохую погоду переживу. А мозги бы надо подлатать.

Время от времени начинают чесаться кулаки и появляется непреодолимое желание расквасить кому-нибудь ебало.

Я уже почти привык к этой ярости и даже могу иногда её контролировать.

Как говорит мой новый врач – это огромный сдвиг.

А я бы сказал – это жопа.

Год уже по больничкам отдыхаю. А хочется жить.

Вышел в коридор, ибо сидеть в четырёх стенах то ещё удовольствие. Чем дольше пялишься в потолок, тем отчётливее слышишь грёбанный голос, что разрывает мозг в клочья.

Она шла по коридору улыбаясь и что-то рассказывая другой медсестре.

Маленькая, худенькая, с веснушачьим лицом и русыми волосами. Если бы не белый халат на ней, подумал бы, что подросток. Только подойдя поближе, можно заметить усталость в тёмно-зелёных, слегка раскосых глазах.

В любом случае, я старше её лет на десять, не меньше.

Опираюсь на стену и наблюдаю за ней. Есть какой-то магнит в этой девчонке. Цепляет её улыбка.

Она вдруг встречается со мной взглядом и застывает на месте. Надо же, неужели симпатичную медсестричку заинтересовал псих? Забавно.

Подружка зовёт её, но она не слышит, так пристально вглядывается в мои глаза.

Интересная бабёнка.

Забавная.

Я бы трахнул такую за милую душу.

И это странно.

Я никогда не совал свой член во что-попало. А эта медсестричка разительно отличается от моих прежних пассий.

Видимо, влияют лекарства.

Чувствую, как в штанах становится тесно и спешу удалиться в палату.

Поспать надо, авось пройдёт.

ГЛАВА 2

18 октября 2017 г.

Грёбаное утро в грёбаной палате.

Блять...

Когда же я уже проснусь у себя дома с какой-нибудь голожопой тёлкой и не увижу этих белых стен.

Сжимаю кулаки и резко поднимаюсь с койки. Если бы не лекарства, даже поспать нормально не смог бы. А после снотворного все мышцы ноют, словно меня катком переехали.

Если так продолжится и дальше, крыша съедет окончательно.

– Доброе утро! Как себя чувствуете? – в палату врывается бодрая большегрудая медсестричка с улыбкой до ушей и подносом в руках. Да, кажется вчера видел её с той веснушчатой. – Пора завтракать, а потом можно и таблеточки...

– Слушай... Как тебя? – обрываю на полуслове, ибо бесит меня эта весёлая баба, будто радугу проглотила, блять.

– Лена... – улыбка её исчезает, а мне становится легче.

– Лена. Иди-ка, ты нахрен отсюда, Лена. И чтобы по утрам меня никто не беспокоил, а то пиздюлей нарисую. Усекла, Лена?

Лена усекла.

Поставила поднос с завтраком и, как очумелая бросилась к двери.

Умница.

Уже за дверью послышался всхлип, отчего у меня судорога прошла по телу. Ненавижу бабские сопли. Убил бы нахрен.

Как обычно со мной бывает по утрам – в крови зашкаливает адреналин и хочется помахать кулаками. Вот бы на спарринг, выбить кому-нибудь пару зубов. И это врачи, мать их, запретили.

Закрываю глаза, считаю до десяти (так себе способ успокоиться), и падаю обратно на койку.

Пытаюсь догнать ушедший сон, где я без лишней дырки в башке выносил из ЗАГСа свою Юльку.

Она в белом платье, со счастливой улыбкой. Фату срывает осенний ветер и уносит куда-то в лужу, а Юля сучит ногами в белых туфлях.

– Ой! Фата! Руслан, фата улетела!

– Да и хрен бы с ней, с фатой твоей. Нам в машину надо, срочно, – тащу её к свадебному лимузину, ибо терпеть уже нет сил...

Дверь в палату распахивается, ударяется о стену и на пороге возникает взлохмаченная девица, а я с трудом открываю глаза.

– Что вы себе позволяете, уважаемый?! Вы сюда лечиться пришли или на беззащитных женщинах своё зло срывать?!

Это что ещё... Блять?!

Мой сон улетучивается так же быстро, как и пришёл, а в груди зарождаются уже такие знакомые чувства.

Гнев.

Ярость.

Бешенство.

– Ты чё, шалава тупорылая, попутала?! – вскакиваю с кровати и, оттолкнув ногой стул, иду на неё.

В нахальной девице узнаю ту самую, с веснушками и красивой улыбкой, правда, сейчас она больше похожа на Горгону. В принципе, любая баба превращается в потрёпанную швабру, стоит ей начать скандалить.

И тем не менее, злость немного утихает. Повезло ей, дура, что запомнил ту улыбку. Сейчас бы размазал по стенке и имя не спросил.

– Вы... Да как вы смеете?! Я между прочим здесь работаю! В клинике, где вас лечат! – воинственно упирает руки в бока и становится в позу спартанского воина.

– Меня не бесплатно здесь лечат, а ты, лапа, всего лишь обслуживающий персонал, не забывай об этом. А теперь сбавила тон, объяснила какая муха тебя за жопу укусила и бодренько зашагала на выход. Считаю до трёх, раз уже было.

– Я сейчас же пойду к главврачу и расскажу о вашем поведении! К вечеру вас уже здесь не будет!

От неё пахнет мёдом и какими-то фруктами. Что-что, а обоняние у меня всегда исправно работает. Вкусно пахнет девка.

Россыпь веснушек и этот сумасшедший запах напоминают мне лето, которое я проспал, валяясь по больничкам.

Хватаю ошарашенную деваху за руку и тяну на себя. На самом деле, соображал я тогда туго, если вообще хоть как-то соображал.

Позже я пойму, что именно в этот момент меня и переклинило на ней.

Именно в эту минуту я окончательно двинулся по фазе и это лекарствами не вылечить.

– Всегда было интересно, что под халатиком у медсестричек? А, Веснушка?

Утро начиналось... Как обычно. Началом был очередной скандал с сыном, который нивкакую не хотел идти в школу. Да, у нас очередной бзик. На работу он решил пойти! В свои четырнадцать!

Пока ещё я не растеряла в его глазах весь авторитет, а потому победа была на моей стороне. Сегодня. А что Саньке приспичит завтра – страшно представить.

Я чувствую, что теряю своего ребёнка, но ничего поделать с этим не могу. Такое ощущение, что его кто-то вырывает из моих рук, а я не в силах удержать...

И это меня сводит с ума.

Каждый день, как на иголках. То и дело жду какое-нибудь неприятное известие, вроде того, когда Саня избил одноклассника и его родители подали на нас заявление в полицию. Благо, у меня получилось уговорить их забрать заявление и для нас эта история закончилась испугом и половиной моей зарплаты.

Но это было лишь начало.

Чем дальше, тем страшнее.

Драки, воровство, курение...

А я лишь умоляю его прекратить.

Всё бесполезно.

Я так боюсь однажды увидеть своего сына за решёткой или в больнице, что от кошмаров перестала спать.

Смотрю на своих детей и в толк не возьму никак, почему они такие разные? Неужели гены действительно так много значат? Ведь у меня родители ещё похуже были, но бабушкино воспитание сделало из меня человека.

Впрочем, если подолгу задумываться об этом, можно стать пациенткой клиники, в которой работаю.

Выбросила из головы все проблемы, а вернее, затолкала их в тёмный закоулок разума, и отправилась на работу. Работа для меня – единственная соломинка. Лишусь её – лишусь всего.

Переделалась и вышла из раздевалки, где на меня налетела зарёванная, перепуганная до икоты Лена.

– Ленок, ты чего это? – мою подругу сложно довести до слёз.

А если это произошло, значит, случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Он... Психопат! Бешеный! – Ленка махнула рукой в сторону палаты, из которой только что выбежала и я начала догадываться.

В платном отделении нашей клиники постоянно происходят подобные «казусы». Почему-то обеспеченные пациенты считают, что обидеть санитарку или медсестру это их законное право, ведь они платят! А значит мы должны пресмыкаться у их ног.

Только я с этим категорически не согласна и терпеть не могу хамства.

– Ну-ка, отойди, Лен. Сейчас я с ним поговорю! – наверное, слёзы Ленки стали для меня последней каплей в это утро.

Лена что-то кричала в след, но у меня, видимо, помутилось в голове.

Мужчина явно не ожидал, что кто-то посмеет высказать ему недовольство. Властелин жизни, что б ему...

Разумеется, первыми же его словами были оскорбления, да я, в принципе, ничего другого и не ожидала.

Но вот того, что он решит воздействовать физически, я никак не могла предвидеть. Наверное, всё-таки стоило позвать с собой санитаров или хотя бы не подходить к больному так близко. Ведь есть правила безопасности и я их знаю...

– Отпустите меня! Что вы себе... – больше я не могла кричать.

Он заткнул мне рот грубым, почти болезненным поцелуем и, стиснув своими огромными ручищами талию, впечатал меня в своё железное туловище.

Уж не знаю, сколько продолжалась эта немая, ожесточённая борьба, но когда я уже почти лишилась сознания от нехватки кислорода и жуткого страха, пробирающегося под кожу, он отпрянул.

Правда, из своих рук меня не выпустил и, подняв на него взгляд, я окаменела. Застыла, как будто меня парализовало.

Утонула в его глазах. Таких тёмных, почти чёрных, словно на меня смотрела сама бездна, заманивая в свои глубины.

– Ты везде такая вкусная, Веснушка? Покажи мне, – сдирал с меня халат, а я лишь дрожала перед ним, не в силах пошевелиться.

– Марина Ивановна! – позади послышался возмущённый возглас Киры Михайловны и я ужасом осознала, что стою уже почти раздетая, а озверевший пациент расстёгивает мне лифчик. – Как это понимать?!

Господи... Спаси и сохрани!

ГЛАВА 3

Веснушка тут же превращается в помидорину и в панике застёгивает халат.

Опускает глаза, а я хочу, чтобы только на меня смотрела.

Всегда.

Какого хрена так вштырило, ума не приложу.

Просто хочу её.

Сегодня.

Поворачиваюсь к тётке и медленно выдыхаю. Появилось огромное желание прищемить ей дверью длинный нос, чтобы не совала его в чужие дела.

– Закрой дверь с той стороны, мумия, – мне кажется, что говорю негромко, но тётка вздрагивает и отступает назад.

Спустя пару секунд приходит в себя и верещит на Веснушку:

– Лукина, немедленно ко мне в кабинет! – разворачивается на пятках и стремглав летит прочь.

Вот сука.

Уволит ведь мою Веснушку.

А впрочем, хер ей на всю морду стервозную.

– Стоять! – хватаю Веснушку за локоть уже у самой двери и беру её лицо в свои ладони.

Да она плачет, блять!

– Мне нужно... Отпустите, – блеет еле слышно и дёргает рукой, силясь вырваться.

– Не реви. Я решу всё. Только пообещай, что вечером увидимся. Придёшь ко мне, Веснушка? Чего молчишь? – встряхиваю её, отчего голова девушки болтается, как болванчик.

В шоке, по ходу.

Ну да, я сомневаюсь, что ей часто доводилось бывать в таких ситуациях.

– Смотри на меня! – повышаю голос и Веснушка тут же реагирует – вздрагивает и поднимает на меня взгляд блестящих глаз. – Что, ты уже не такая смелая, да? – запускаю руку под халатик и девушка тихонько взвизгивает. – Тихо, не дёргайся! Сегодня вечером, чтобы пришла, а то найду, где живёшь и оттрахаю прямо на глазах у твоей семьи, поняла?

Она испуганно хлопает длинными ресницами и медленно кивает.

– Повтори, что ты должна сделать?

– Прийти к вам...

– Умница. Иди работай, я сам пообщаюсь с твоей начальницей.

Веснушка скрывается за дверью, а я скалюсь, аки борзая на охоте.

Кажется, период лечения будет не таким и тоскливым... Вон какая медсестричка будет у меня. А она у меня будет – это даже не вопрос.

Какой стыд...

О, ужас! Как пережить это?!

И ведь сама виновата!

Почему не сопротивлялась?

Почему стояла, как вкопанная, пока он раздевал меня?!

Сколько бы я теперь не убивалась по этому поводу – всё уже случилось. И пути обратно нет.

Теперь мне грозит увольнение, а зная Киру Михайловну, ещё и с позором...

До сих пор не могу переварить то, что произошло там... Как будто меня зомбировали. Может это какой-то новый гипноз, о котором я ещё не знаю? Или... Он вколол мне что-то, может?

Бред.

Он обычный мужчина.

Высокий, темноволосый, смуглый, с такими редкими чёрными глазами...

Красивый.

Но обычный!

Так чем же он меня зацепил? Как лишил воли и рассудка?

Плевать.

Мне сейчас о другом нужно думать. О том, чем я буду кормить своих детей и как смотреть им в глаза.

Закрываю глаза, медленно выдыхаю и, сконцентрировавшись, иду в кабинет старшей медсестры. Нелёгкий разговор мне предстоит. Кира Михайловна – знатная сука. К тому же, давно зуб на меня точит. Когда-то она хотела устроить на моё место свою племянницу, да что-то пошло не так и взяли меня.

Ну, теперь отыграется...

Подхожу к двери и поднимаю руку, чтобы постучать, но меня вдруг кто-то хватает за запястье и тянет назад. Падаю на чью-то твёрдую грудь, хотя, скорее, на живот, так как этот кто-то очень высокий.

И я даже догадываюсь кто...

По телу пробегает толпа «мурашек» и сердце падает в пятки.

Нет, пожалуйста, нет!

– Я же сказал, что сам разберусь! – рычит на меня своим хриплым голосом и дыхание сбивается, застряёт где-то в горле.

– Не надо, – сиплю севшим голосом и дёргаю плечами, сбрасывая его вторую руку.

Однако, запястье моё он так и не отпускает, лишь сдавливает сильнее. До боли и красных кругов перед глазами.

– Не перечь мне никогда, женщина. Я не люблю этого, – он говорит негромко, но тон угрожающий. – Ослушаешься меня ещё раз и я тебя обижу.

Не дожидаясь моего ответа, распахивает дверь кабинета и врывается туда, словно ураган.

Перед моим лицом захлопывается многострадальная дверь, а я лишь жадно хватаю ртом воздух.

Он пробыл в кабинете Киры совсем недолго, а когда вышел, то все, кто был в коридоре, включая медперсонал, разошлись по углам. Его лицо было непроницаемым, но животная энергетика, что исходила от него волнами сбивала с ног.

Я потупилась в папку с результатами анализов, что схватила на столе у дежурной, и делала вид, что меня очень занимает её содержимое.

Он на какое-то мгновение замедлил шаг и я с ужасом осознала, что его взгляд сейчас направлен на меня, а взгляды остальных, соответственно, на него.

Позорище...

И чем там закончился разговор с Кирой Михайловной?

О чём вообще они говорили?

Он пошёл к своей палате, а я облегчённо выдохнула.

Что ж, в огонь я уже прыгнула, осталось собрать пепел...

Захлопнула папку и пошла в кабинет старшей медсестры.

Кира Михайловна сидела за своим столом без движения, даже не моргала. Белая, как стена, она смотрела куда-то сквозь меня и, кажется, дышала тоже через раз.

– Кира Михайловна? С вами всё в порядке? – нет, там всё явно не в порядке.

И я её хорошо понимаю.

Стоит этому мужчине только посмотреть, как земля уходит из-под ног. Страшно представить, что творится с человеком после беседы с ним.

– А? – женщина вздрогнула, словно очнувшись ото сна. – Ты что-то хотела, Лукина?

– Вы меня вызывали... – осторожно напомнила, хоть и не хотелось поднимать эту тему.

– Да нет, нет, – замотала головой. – Ты можешь идти. Там у Серебрякова возьми кровь на анализ.

Я молча кивнула и на цыпочках к двери.

Уж не знаю, каким гипнозом владеет этот мужчина, но он сотворил чудо. И, честно говоря, Киру Михайловну мне не было жаль. Уж слишком много кровушки она попила у меня.

– А, стой! Подожди, Лукина... – кажется, пришла в себя.

Ну, сейчас начнётся...

– Да, Кира Михайловна, – я повернулась к ней, мысленно уже собирая вещички.

– Забудь о Серебрякове. Ты поступаешь в распоряжение одного пациента и будешь за ним ухаживать до выписки.

А вот это уже интересно. У нас такое практиковалось довольно часто, но мне ещё не приходилось подрабатывать сиделкой.

А жаль.

Денежки там очень хорошие получаются. Помимо зарплаты, ещё и сам пациент доплачивает. Там даже поболее двух зарплат будет.

Но, погодите-ка...

Это же за какие-такие заслуги мне так повезло? Уж не наш главный подсуетился?

Скорее всего, он.

Никак в кровать меня не затащит, лысый Дон Жуан.

– Спасибо, конечно... А что за пациент?

Кира как-то странно на меня зыркнула, но то, о чём подумала не стала озвучивать.

– Господин Дигоев хочет тебя в сиделки, – протянула с какой-то омерзительной издёвкой.

Видимо, ей такой указ начальства не пришёлся по вкусу. Но мне, в принципе, плевать. Я этого самого Дигоева буду на руках носить, лишь бы, наконец, одеть к зиме детей, да заплатить все долги по коммуналке. А ещё кредит...

– Ну я пойду тогда?

Кира Михайловна молча кивнула и я на радостях упорхнула. Осталось найти этого самого Дигоева в регистратуре и можно приступать к работе.

– Слушай, я ищу тебя везде! Думала уже, этот придурок тебя убил, а труп под кроватю спрятал! – в коридоре меня подловила взволнованная Ленка. – Я даже Михалну за тобой отправила, чтобы он ничего не сделал с тобой!

Так вот, значит, кому я обязана сегодняшним происшествием... Но Ленка ведь не со зла. Беспокоилась.

– Ладно, об этом позже, Лен. Ты лучше скажи мне, кто такой Дигоев и как его найти?

Лена удивлённо вздернула брови и захлопала глазками.

– Ты чего, мать? Дигоев Руслан Давидович – это же Бешеный наш!

ГЛАВА 4

«Господин Дигоев хочет тебя в сиделки», – стучало набатом в голове, пока шла в его палату.

Что вообще нужно от меня этому... Бешеному. Вот Ленка прям под стать ему прозвище выдумала.

Надо бы изучить его историю болезни, авось получится улизнуть от этой «работёнки». Сколько бы мне не заплатили, я не соглашусь быть сиделкой этого психопата. Знаю, не этично, но мне как-то плевать.

Особенно, после того, как он чуть не изнасиловал меня.

Да и начальство, похоже, здесь не причём. Просто так пожелал великий и могучий пуп земли, которому горы денег некуда девать.

От скуки бесится, от избытка?

Не моя проблема.

У меня заботы поприменнее будут. Накормить детей, одеть, обуть, заплатить кредит – вот моя жизнь.

А в игры богатенького недостреленного Буратино у меня нет желания играть.

С каждым шагом страх уходил и я становилась увереннее, но стоило мне постучаться и открыть дверь его палаты...

Взгляд чёрных глаз пригвоздил к полу и я уже не могла вдохнуть, не то что слово молвить.

Жуткий всё-таки тип.

Не удивлюсь, если в него стреляли в целях самообороны. Скорее всего, так и было.

– Давай, Веснушка, проходи, располагайся, – усмехнулся как-то нехорошо и я вздрогнула, вспомнив, что происходило здесь минут сорок назад. – Можешь сразу раздеваться. Или до вечера подождём?

Он сидел, облокотившись о стену и согнув одну ногу в колене. Вальяжно так сидел, словно весь мир у его ног валяется.

Терпеть таких людей не могу.

И я не думаю, что это следствие болезни.

Нет, они такими рождаются.

– Руслан Давидович...

– Можно просто Руслан. Я не люблю эти расшаркивания. Но ты умница, – нахально меня перебил, отпил воду из бутылки и я на какое-то мгновение задержалась взглядом на его губах, выразительных таких... – Мне нравится твоё воспитание. Однако, Веснушка, у меня очень сложный характер и тебе придётся подстраиваться. Я могу отругать или наказать, но потом за это обязательно извинюсь. Разумеется, материально. Ты не останешься в обиде. Так, дальше... Я люблю по утрам яичницу-глазунью и кофе, проследи за этим. А также минет. Ты должна выполнять всё, что я скажу беспрекословно и без всяких соплей и истерик. Пока я засыпаю ты должна лежать рядом. Когда усну можешь уйти, но утром чтобы у меня снова была. И да, я не люблю презервативы, поэтому тебе придётся пить противозачаточные. Нюансы обсудим по ходу дела. Тебе всё понятно, Веснушка?

Сначала я обалдела, потом оцепенела, а затем наступила третья стадия – неверие.

Я просто не могла поверить своим ушам. Он любит яичницу, кофе и минет. Прелесть какая!

Захотелось засмеяться.

Да что там засмеяться... Заржать!

Правда, это было бы очень грубо.

В конце концов, он больной человек, как и все остальные пациенты.

Но я вот никак не воспринимала его, как больного. Скорее, как зажавшегося подонка, который уверен в собственной неотразимости и считает, что все, кто не родился с золотой ложкой во рту – его рабы.

– Руслан Давидович, мне кажется, что вы немного поторопились с... Кхм... Заказом настолько интимных услуг. Видите ли, я всего лишь медсестра. Девочек по вызову в нашем заведении нет. Но вы, конечно же, можете их вызвать к себе домой. Когда вас выпишут. А пока мы будем принимать лекарства и побольше отдыхать. И да, кофе у нас не подают, вы и

так буйный. Ну и, наконец, обсудим условия нашего с вами сотрудничества. Как вы, наверное, знаете, крепостное право у нас отменили в тысяча восемьсот шестьдесят первом году. Именно поэтому я не собираюсь бегать за вами с опахалом, чистить виноград у ваших ног и оказывать вам услуги интимного характера. Очень жаль, ведь я так хотела, – я картинно прижала руки к груди. – Так что, давайте, больной, будем лечиться и... На этом всё, пожалуй.

Закончив свою тираду с доброжелательной улыбкой (как мне казалось), я повернулась к двери, но в следующий момент застыла столбом.

– Тогда тебя уволят, Веснушка. А потом я приду к тебе домой. Только представь, сколько всего интересного я могу с тобой сделать. Я буду тебя трахать, пока ты не взвоешь. А потом ещё три дня, – его голос звучал тихо, но до ужаса убедительно.

И я не сомневалась ни минуты – он сделает всё, что обещает.

Я видел её во сне. Хорошенькую девчонку с веснушчатым лицом и печальными глазами.

Она лежала подо мной с широко раздвинутыми ногами, а по бледной щеке катилась прозрачная слеза. Я вбивался в неё с диким рычанием. Так сильно, что девушка жмурилась от боли и кусала свои алые губы до крови.

– Ты моя, Веснушка. Скажи это...

– Я твоя...

Вскинулся от стука в дверь и вздохнул.

Всего лишь сон. Блять.

– Да! – гаркнул на дверь и в неё заплыл главврач с акульей улыбкой во всю харю.

– Чего тебе, Петрович? – поднялся с кровати и размял затёкшие мышцы.

В спортзал бы мне сгонять.

Засиделся уже в больничке.

Кости ломит, крыша едет... Может ну их нахрен, лекарни эти? Вернуться в Москву, продать всё движимое и недвижимое, и на острова куда-нибудь, где людишек грёбанных нет, лишь мартышки скачут?

– Дело у меня к вам, Руслан Давидович, – пропел лысый хрен и снова расплылся в ухмылке.

Подхалим ебучий.

Терпеть не могу таких пресмыкал.

Хоть ты раком его поставь и в жопу поимей, ради бабла даже подмахивать будет.

– Рожай уже, чего тянешь кота за яйца?

Конечно же, я догадываюсь, какого хрена он ко мне пожаловал. Степан Петрович Вяземский – большой любитель сладкой жизни. А чтобы она, жизнь эта самая, была сладкой – нужно иметь бабок немеряно. Вот за ними и охотится.

Сейчас начнёт причитать, что в клинике сломалась какая-нибудь дорогушая штуковина, а денег на новую нет. А пациенты нуждаются.

В принципе, мне не жалко для народа. Я тоже не всегда мог себе позволить хорошую медицину.

Только бабло это не на оборудование пойдёт, а на новые брюлики для какой-нибудь из «шкур» толстого трахунчика.

– Видите ли... Эээ... Вы сиделку пожелали...

– Пожелал. Дальше что?

– Я вам сегодня приведу очень опытную, хорошую медсестру. Кариночка имеет два высших образования, очень пунктуальна, ответственна и профессионал...

Понятно.

Значит, Веснушка заднюю включила.

В принципе, этого стоило ожидать.

Думаю, по мне было видно, как я её хочу.

Вот и испугалась.

Боится, что псих затрахает до обморока.

Правильно боится.

– Мне не нужна твоя Кариночка. Я вашей Шапокляк объяснил доходчиво, кого я хочу. И это не обсуждается, – подошёл к Петровичу вплотную, а тот втянул голову в плечи.

– Я понимаю вас, Руслан Давидович... Конечно, мы постараемся сделать всё, как вы того желаете... Но Марина у нас девушка с характером...

– Слушай сюда, блять! Чтобы эта баба была у меня уже вечером! И меня не ебут ваши трудности! Если нужно заставьте! Я ХОЧУ ЕЁ! – от моего голоса Петрович стал ещё ниже и закивал своей квадратной башкой, как болванчик.

После его ухода ещё около часа бесцельно бродил по палате, словно амёба. Тесно мне здесь. До бешенства.

А Веснушка всё не приходила.

Даже интересно стало, сколько продержится.

Ведь Петрович-сука будет её гнуть и ломать, пока не согласится.

Наверное, если она быстро сдастся – уважения моего ей не заслужить.

Не люблю давалок.

И дело не в кавказских корнях.

Просто женщины, за которыми не нужно охотиться не вызывают ничего, кроме отвращения.

Дешёвки, которые падают на колени, едва я подумаю о минете, не достойны того, чтобы в них совать свой член.

А приходится.

Нет ведь в наше время женщин нормальных. Тёлки есть, шкуры есть, соски есть.

А женщин нет.

Хотя...

Мне почему-то кажется, что Веснушка именно такая.

Конечно, она тоже рано или поздно назовёт свою цену, но до этого я немного развлекусь, опробую товар и, может быть, даже куплю.

ГЛАВА 5

– Мариночка, милая, – гладил меня по руке и разговаривал, как с особо буйным пациентом. – Успокойся, не стоит так нервничать. Ну что ты? Это же работа твоя, в конце концов. Да и заплатит он столько, что зарплата тебе не нужна будет. Всего лишь месяц, Мариночка.

Месяц!

Да я и дня не выдержу!

– Исключено, Степан Петрович. Я не согласна! Не буду у него на побегушках! К тому же, вы хоть представляете, что этот извращенец требует? – разумеется, рассказывать Вяземскому об интимных пожеланиях его любимчика было так же гадко, как и слышать их, но уже не было другого выхода.

Покраснела, наверное, до корней волос, пока рассказывала про «яичницу-кофе-минет», на что Вяземский-сволочь лишь гаденько ухмыльнулся.

Знала бы я, до чего доведут мои откровения... Это нормальному человеку гадко о подобном слышать, а у этого глазёнки сальные аж заблестели.

– Ну, а ты как думала, милая? Неужели ни разу не задалась вопросом, почему наши клиенты выбирают себе в сиделки не опытную Марию Николаевну со стажем в тридцать лет, а молодую прекрасную Анечку?

Вот тут я и поняла... Всё, в общем-то, поняла.

Не поможет мне никто.

А Вяземский сам заинтересован в том, чтобы подложить меня под своего «клиента». Вот так мы теперь живём и работаем!

У нас теперь не пациенты, а клиенты, а вместо медперсонала – девочки по вызову.

Мерзко так стало.

Прям пробрало до кости и дрожь крупная по телу.

Захотелось схватить тяжёлую статуэтку полуголой девицы со стола главного и врезать ею по его мерзкой морде.

– Я, Степан Петрович, вам не Анечка! И в институте училась не ноги раздвигать, а помогать людям! Чувствуете разницу?! – начинала понемногу закипать и ухмылочка Петровича сползла с красной пропитой хари.

В прошлый раз, когда я так «вскипела» его белоснежная, заботливо наглаженная женой рубашка была испачкана кофе, который я плеснула старому кобелю в лицо.

– А кто тебя спрашивать будет, дорогая моя? У тебя, конечно, есть выбор... – ооо, старая песня о главном!

– Какой?! Неужели свою кандидатуру предложите? – я подхватила со стула, ибо сидеть рядом с этой свиньёй стало невыносимо.

– А что? Старый конь, моя сладкая, борозды не испортит, – ухмыльнулся мерзавец и у меня от гнева запылали щёки. – Давно мне нравишься, знаешь же. Ну давай, попробуем Маришенька... Так тело твоё гибкое хочу, – схватился с места и двинулся на меня. – С ума сводишь, Маришенька. Я обещаю, только со мной будешь. А ему скажем, что ты уволилась, а, сладкая моя?

Я замерла с открытым ртом.

Нет, Вяземский, разумеется, и раньше проявлял ко мне «интерес», но чтобы так... А в глазах дурман какой-то. Словно рехнулся.

– Не подходите ко мне! – поздно сообразила, что зажата в углу, путей отступления нет, а старый подонок необратимо надвигается на меня своей жирной тушей.

Казалось, он ничего не соображает и не слышит. Подошёл вплотную и рукой мне под халат.

– Ну хватит кочевряжиться, Маришенька... Ты попробуй только, потом сама с меня слезать не захочешь...

К горлу подступила тошнота, а внутри всё всколыхнулось от злости и отвращения.

– Пошёл ты на хрен! – не знаю откуда взялись силы оттолкнуть его и ринуться к двери, которая так некстати открылась и я на полном ходу влетела в Дигоева.

Замечательно! Целых два озабоченных кретина на мою голову!

– Почему ты до сих пор не у меня?! – рывкает на меня так, что дребезжат окна, а я от испуга отшатываюсь назад.

– А Мариночка как раз к вам собиралась, – улавливаю мстительный смешок в тоне Вяземского и это становится последней каплей.

– Да, Руслан Давидович, я как раз шла к вам, чтобы сказать – пошёл и ты нахрен!

Его лицо каменеет и эмоции не угадать, да я, собственно, и не стану пытаться.

Поворачиваюсь к старому ублюдку и с торжествующей улыбкой демонстрирую средний палец.

– Заявление об уходе принесу завтра! – дугой обхожу Дигоева и закрываю за собой дверь.

Тут же на меня обрушивается понимание того, что я в полной заднице.

Вот дрянь.

Послала меня.

Охренеть просто.

Вот чего-чего, а этого я не ожидал.

Что-то произошло здесь, и мне, в принципе, не трудно догадаться что именно. По ходу Петровичу мешают яйца. Хотя, конечно, уважение мужику. На такую тёлку вскарабкаться пытался, в его-то возрасте. И инфаркта не побоялся.

– Рассказывай, – прохожу мимо вспотевшего Петровича и сажусь в его кресло.

Врачишка стоит передо мной по струнке, словно школьник. Никакого самоуважения, блять.

– Ч-что именно? – заикается и судорожно смахивает со лба капли пота.

Мерзкое зрелище.

– О ней рассказывай. Хочу знать всё, что известно тебе. А в идеале, принеси-ка мне её личное дело.

Спустя полчаса я откидываюсь на спинку кресла, закрываю глаза и медленно выдыхаю, пытаюсь прийти в чувство. Охренеть просто.

Девчонка-то, оказывается, совсем и не девчонка, а разведёнка с двумя детьми, причём последних тащит на своём горбу одна.

Но в состоянии ступора вводит даже не это.

Она отказалась от бабла, имея двух спиногрызов, кредит, который не погасит со своей зарплатой и до пенсии, и старенькую «хрущёвку».

И не просто отказалась от бабла, а даже с работы решила уволиться.

Давно не встречал таких принципиальных. И это охренеть как шокирует.

Получается, я виноват?

Не то, чтобы у меня вдруг совесть появилась, но прессовать бабу с детьми – как-то не по понятиям вообще.

– Так, значит, она отказалась?

Петрович, что всё так же стоит напротив, как лакей, кивает.

– Честное слово, Руслан Давидович, дура девка. Я ей и так, и эдак, а она...

– Подойди сюда.

Врач затыкается и хлопает свинячьими глазёнками.

– Подойди, Петрович.

Тот делает пару шагов и оказывается рядом. Мне даже лишних движений не нужно делать. Впечатываю его жирную харю в стол и, услышав характерный хруст, улыбаюсь.

Люблю звук ломающихся костей.

Запах крови люблю.

Люблю давить вот таких вот трусливых пидорасов, что могут поломать бабу, но боятся отвечать за свои поступки.

– Давай, сука, расскажи мне, что ты тут делал с моей женщиной. Учти, если мне это не понравится, я побую тебя. А если соврёшь – искалечу.

Свинья хрипит и визжит, а на столе уже образовалась лужа крови. Сломал нос, видимо. То ли ещё будет.

– Я просто пытался её уговорить! Немножко припугнул! Отпустите! – трепыхается и давится собственной кровью.

А у меня уже планка поехала и перед глазами красные точки. Врёт ведь сука. Чуйка мне подсказывает, что Веснушку мою лапал своими ручонками, а теперь ссыт признаться.

– Что я сказал сделаю, если соврёшь, а, сука? – выворачиваю его запястье и свинья захочется в бабском визге.

Позор для мужика быть такой тёлкой.

От этого злюсь ещё сильнее и с хрустом ломаю ему руку.

– Чтобы больше не трогал чужих женщин, падаль! А сейчас иди накладывай гипс и звони ей. Я не знаю, как ты это сделаешь, но она должна вернуться на работу. Завтра же, чтобы была здесь. Да, и не забудь извиниться, тварь! – долблю полуживую тушку об стол и отпускаю.

Надо бы в себя прийти.

Нельзя к Веснушке в таком состоянии ехать.

Там ещё и дети.

К вечеру немного очухался и, наглотавшись транквилизаторов, накинул куртку.

По-хорошему, надо бы к ней красиво подкатить. А как красиво подкатывать? Я сроду за бабами не таскался и по-прежнему считаю, что не дело это – бегать за дыркой.

Но тут случай другой.

Она же вроде как из-за меня ушла. Хотя хочется думать, что из-за главного говнюка.

В конце концов, надо же мне её как-нибудь к себе расположить.

Правда, я уже не догоняю нахрена...

Чтобы просто трахнуть?

Нехорошо это как-то.

Мать-одиночка, все дела...

А если не трахнуть, то зачем она мне сдалась?

Скорее всего, подкупила её принципиальность. Это же надо. Петрович зассался весь от одного моего взгляда, а она: «пошёл нахрен».

Ловлю себя на том, что стою посреди палаты и ухмыляюсь, как даун.

Всё, блять, приехали.

Выхожу из палаты и ловлю идущего навстречу санитаря.

– У тебя баба есть?

Тот непонимающе смотрит на меня.

– Ну есть... А чё?

– Не «чё», а «что». Как ты ей приятно делаешь?

Глаза санитаря медленно лезут на лоб, а я вздыхаю.

Ебанутые все вокруг.

– Имею в виду, праздники как ей устраиваешь?

– Ааа! Вы про это! – с облегчением выдыхает и тупо улыбается. – Ну так, цветы там...

В кафешку свожу.

Кафешка?

Ага, как раз она, наверное, там губы красит, собирается.

– А если, допустим, накосячил, как извиняешься?

– А ну тут схема стандартная. Что-нибудь золотое и желательное в комплекте с новым платьем.

Ну это я могу.

Это легко.

ГЛАВА 6

Пришла домой и прямо в одежде рухнула на кровать.

Устала...

Так устала от всего.

Кажется, что проблемы никогда не оставят меня.

Плюс ко всему прочему – работа.

Вот где мне теперь найти работу с такой зарплатой? И так на волоске от пропасти была, а теперь и вовсе...

Что детям скажу? Как в глаза им буду смотреть? А Саньке куртку уже нужно новую. И ботинки... Ксюшка уже из сапожек выросла.

На какое-то мгновение меня посещает дурная мысль – а может... Нужно было согласиться? Деньги ведь не пахнут, говорят...

Тут же передёргивает от такой мысли и становится дурно. Не хватало шлюхой ещё стать!

Не для того я детей порядочности учу, чтобы самой в подстилки к Дигоеву. От воспоминания о нём по телу побежали «мурашки». Один взгляд этих чёрных глаз чего стоит. Аж ноги подкашиваются.

А ещё, красивый...

По-мужски красивый.

Жаль только, скотина редкая.

Тряхнула головой и закрыла глаза. Нечего о нём думать. Из-за этого припадочного у меня теперь проблем выше крыши. Потому что ему, видите ли, скучно. С жиру барин бесится.

А страдают холопы.

Дождалась детей из школы и... Началось.

– Мам, а у меня рюкзак порвался, – тихонько прошептала Ксюша, словно боится, что я буду ругать.

Это меня ругать надо. Ребёнок два года с одним китайским рюкзаком ходит.

– У меня немножко денежек есть, завтра выходной, вот пойдём и купим.

Скрипя зубами, вспоминаю, сколько там у меня в заначке. Придётся раскошелиться. И так дети у меня хуже всех одеваются. Не мать – чудовище.

– Тогда и мне кроссовки! – оживает смурной Санька и смотрит так... С надеждой. – Мам?

Да уж.

– И тебе кроссовки, – вздыхаю.

Разумеется, я могу сейчас отказать, если не обоим, то хотя бы Сане. Но дети ведь не виноваты. Всё равно тех денег не хватит надолго. Надеюсь, что найду работу до того времени, пока они закончатся полностью.

Ещё расчётные бы получить...

Зная Петровича – будет нелегко.

Ох, влипла!

Как расхлебать теперь это всё?

– Что-то случилось, мам? – сын заглядывает мне в лицо, а я в ступоре.

Язык не поворачивается сказать.

А придётся.

– Я с работы уволилась... Вот.

Ксюша поднимает на меня ошарашенный взгляд, тяжело вздыхает, но молчит. Сашка удивлён не меньше, но так же ни слова.

Тишина душит меня, не продохнуть.

И паршиво так, до слёз.

Только бы не разреветься при детях, этого ещё не хватало.

Санька отодвигает от себя тарелку и решительно заявляет:

– Я работать пойду! Не переживай, мам, прокормлю и тебя и Ксюху.

И всё.

Это последняя капля в опустевшей чаше моего самообладания.

Край.

Взрываюсь воем и роняю голову на стол, а дети затихают, поражённые увиденным. Никогда раньше я не позволяла себе так расклеиваться, тем более, в их присутствии.

Но сейчас, словно кран сорвало. Не могу остановиться. В груди жжёт от обиды и несправедливости, так, словно мне туда ржавых гвоздей понатыкали.

– Мамоочка, не плачь, – шепчет Ксюшка, обнимая меня со спины, а Саша вскакивает из-за стола и быстрым шагом выходит из кухни.

Сейчас снова что-то в голову себе вобьёт и пойдёт на улицу, к своим друзьям ошалелым – один другого придурочней.

– Саня! – вскакиваю за ним.

Сын оглядывается и смотрит на меня, а там... Сколько боли в детских глазах, что перехватывает дыхание и сердце сжимается почти в прямом смысле.

– Не ходи, Санечка. Оставайтесь оба сегодня со мной? – представляю, как жалко сейчас выгляжу.

Сашка обнимает меня и, наконец, становится легче.

– Я никому не позволю доводить тебя до слёз, мама.

– И я, – Ксюша обнимает нас за ноги.

Идиллия...

Которую вдруг нарушает звонок в дверь.

Старая, местами ободранная дверь со скрипом открылась и на пороге возник какой-то подросток.

Сразу же возникла мысль, что я ошибся адресом.

Но нет же, её дом, её квартира.

Я сто раз проверил.

Постепенно разглядел в парне знакомые черты. Веснушки по всему лицу и глаза... Бляя, её глаза!

По-любому родственница.

Что ж, уже хорошо – не ошибся.

– Вам кого? – худощавый пацан уставился на меня с каким-то странным прищуром.

Если бы я знал... Кого.

Вот кем Веснушка приходится этому сопляку?

– Сестра твоя дома? – «веник» спрятал за спину – не в кайф как-то перед пацаном с цветами стоять.

– Сестра?! – подросток вылупил на меня глаза и медленно перевёл взгляд на грёбаные розы, что всё-таки торчали из-за спины, как вечный позор.

– Глухой, что ли, парень? Сестра. Зови, давай.

Пацан снова непонимающе заморгал.

Блядство какое...

И долго это немое кино будет продолжаться?

– Сань, ну кто там? – послышался звонкий голос Веснушки, а меня током по нервам.

Вот она.

Веснушечка моя.

Ну, давай же, выходи, красавица.

Заебался я охотиться за тобой.

А ведь это только начало, судя по её неприступности.

– Мам, тут мужик какой-то. Ксюху спрашивает, – пацан встал в проёме и, скрестив руки на груди, уставился на меня, как на врага народа.

Стоп.

Какую ещё Ксюху?

Не надо мне Ксюху.

Мне Маринку надо.

– Чего?! – она выходит к нам и, ахнув, закрывает рот ладошкой.

Да ладно?

Неужели я такой страшный? Вроде раньше бабы не жаловались.

Хотя, конечно, шок понятен. Вряд ли она ожидала меня увидеть. Тем более, сегодня. Особенно в своём доме.

– Добрый вечер, красавица, – подмигиваю ей и отодвигаю сопляка в сторону. – Иди погуляй парень.

Захожу в квартиру, протягиваю Веснушке цветы и бумажный пакет. Есть надежда, что оценит примирительный подарок. Должна. Все бабы любят блестящие цацки.

– Эй, ты кто такой?! – меня в спину толкает всё тот же козявочник и становится дико смешно от осознания того, что я дошёл до такого.

Полный аут.

– Слушай, ребёнок, вали-ка ты мультики смотреть. У нас с твоей сестрой взрослый разговор, – повернулся к пацану, перебарывая желание оттаскать его за ухо.

– Во-первых, идиот, она моя мама. А во-вторых, вали-ка ты сам. Подальше, – похоже, парень настроен воинственно.

Ни хрена же себе! Акселерат! Или Веснушка родила его в десять лет?!

Хрень какая-то...

Ну да с этим разберёмся позже.

– Ты рот-то прикрой, малец. И иди к себе. А ты, – беру Веснушку за локоть и веду предположительно на кухню. – Угости меня кофе.

Она испуганно оглядывается на пацана и выдавливает из себя успокаивающую улыбку.

– Всё хорошо, сынок. Это мой знакомый... По работе. Мы поговорим сейчас и...

– Не поговорите! – парень встаёт в стойку, вот-вот бросится на меня. – Пусть он уходит! Вот, бля...

Да я начинаю уважать этого мальчика!

Если он так всех маминых ухажеров гоняет, то я даже готов платить ему.

– Саша, иди в комнату! Помоги Ксюше с уроками! – это уже Веснушка включила строгую училку.

Нет, мне не нравится, когда она такая грубая.

Определённо, быть тихой и скромной ей идёт больше.

Да и я не потерплю хамства или непослушания.

Правда, этого пацана сам бы послал. А нельзя. Ребёнок, блять. Да и Веснушке это не понравится, а я, вроде как, с извинениями пришёл.

На хрена только припёрся, идиот.

Пацан злобно рычит и исчезает в соседней комнате, хлопнув дверью. Зверёныш.

– Что вам нужно от меня, Руслан Давидович? – Марина пришла в себя и приняла воинственную осанку.

– У вас глухота семейное? Сказал же, кофе мне сделай, – разворачиваю её к себе спиной и, переборов желание шлёпнуть по заднице, заталкиваю на кухню. – А поесть есть чего, а, Веснушка?

Опешившая Марина поворачивается ко мне. При ярком освещении замечаю, что она как-то нездорово выглядит. Щёки будто бы впали, тёмные круги под глазами и глаза красные.

Плакала что ли?

Потихоньку доходит почему.

Сначала я трахнуть пытался.

Потом этот пидор Петрович лапал её.

В итоге психанула, ушла с работы.

А живут они не в шоколаде. Вон халат на ней какой потрёпанный, обои ободранные, разрисованные.

А я... Дебил. Припёрся, блять, с цветами и брюликом. Хорошо хоть платье не притащил, это выглядело бы, как издевательство.

– Поесть нет. И кофе нет. Говорите, зачем пришли и уходите. Я не приглашала вас...

– Так, тихо мне! Разговорились. Иди лучше к плите.

Веснушка замирает с приоткрытым ртом, а мне заткнуть его хочется. Своим.

Что я, собственно, и делаю.

Правда, уже в следующее мгновение получаю по роже. Смачно так влепила, от души. Аж в ушах зазвенело. И злость тут же вспыхнула во мне адским пламенем.

ГЛАВА 7

– Убирайся из моего дома! И никогда, слышишь, никогда больше не приближайся ко мне! – прошипела мне в лицо, зло прищурившись.

Посмотрите только на эту королеву!

Я с ней, как ни с кем, блять, а она нос воротит!

Коза охреневшая!

Сам не понял, как за волосы её длинные схватил и дёрнул на себя.

– Ещё раз поднимешь на меня руку, женщина, я тебя обижу. Я не из тех соплежув, с которыми ты привыкла общаться. И да, завтра ты возвращаешься на работу. Если не явишься, я снова приду. Приду и на этот раз точно выебу! – смял её губы своими и пригвоздил к стене.

Тихо пискнула, дёрнулась и замерла.

Испугалась?

Плевать.

Я не папан ей зелёный, чтобы с цветочками бегать, да по морде получать. Розы, кстати, так и остались где-то в прихожей. И брюлик там же.

В принципе, так даже лучше. Сама найдёт потом. Всё равно сейчас ничего не примет. Вон как взвилась, дикая.

– Пожалуйста, не при детях, – пылу поубавилось, а в глазах страх появился.

То и дело на дверь поглядывает. Видимо, боится, что сын зайдёт.

Только мне как-то по барабану.

Не волнуют меня эти сантименты.

Не жениться же мне на ней. А чтобы немножко покуролесить – не обязательно её детям нравиться.

– Повтори, Веснушка, что ты должна завтра сделать? – скольжу рукой под короткий халатик, стискиваю рукой ягодицу и мне нравится её тело наощупь.

Ещё бы внутри побывать... В хорошем смысле, разумеется. Хотя, если ещё раз замахнется на меня – может случиться и плохое.

Всё-таки транквилизаторы подействовали. Быстро в себя пришёл. В последнее время такое случается редко. А может это Веснушка так на меня влияет.

Может она моё лекарство?

Давно меня не клинило на бабе. Последний раз с Юлькой так было. Жаль, что из нас двоих клинило только меня. Юлю же парили только бабки.

И эта такая же. Все бабы такие. Суки продажные. Им бы кошелёк потолще, да член подлиннее, а когда дело дойдёт до отдачи, сразу заднюю врубают.

Интересно, какая цена у Веснушки?

Сколько мне заплатить, чтобы поиметь её?

И вот на этой мысли понимаю, что готов отдать многое, лишь бы доказать себе в очередной раз, что я в состоянии купить всё. Ну или почти всё.

В любом случае, в это «почти всё» не входит любовь и верность.

Можно купить дырку для траха.

Можно купить ласку и страсть.

Но всё это – тлен.

Пустышка.

Нет в искусственной любви того, что заставляет сердце выпрыгивать из груди. Да и не нужно мне это уже давно.

– Я приду! Приду! Только уходи, прошу! – отрывает от себя мои руки и толкает в грудь, наивно полагая, что сможет сдвинуть с места.

– А ко мне в палату придёшь? Хочу тебя, Веснушка, – отчего-то становится радостно. Наверное, от осознания, что я всё-таки трахну её. Пора бы уже. Ещё утром надо было.

– Приду, – ворчит недовольно и всё на блядскую дверь поглядывает.

– Не бойся, Веснушка. Я не опозорю тебя перед сыном. Но не забывай, что обещала мне.

А это тебе, – отхожу от неё на шаг и кладу на стол пару сотен баксов. – Купи детям конфет и себе... Что-нибудь.

Она хмурит брови и становится до одурения смешной. Как ребёнок. Даже не верится, что родила двоих детей.

– Ты наш новый папа? – у приоткрытой двери стоит девчонка лет семи, с веснушками, как у матери (в том, чья она дочь не возникает сомнений), и взирает на меня с таким любопытством, с которым разглядывают экзотического зверя в зоопарке.

Ну отлично, бля...

Только этого мне на мою больную голову не хватало.

«Новый папа».

А старый, интересно, где?

– Нет, я не твой папа, девочка. Я всего лишь знакомый твоей мамы.

– Понятно! – девочка почему-то рассердилась, вздёрнула курносую мордашку и развернулась к двери, намереваясь уйти, но я остановил, взяв её за руку.

Спрашивается, зачем?

– Как тебя зовут? – приседаю на корточки и мы оказываемся практически лицом к лицу. Голубые глаза девочки загораются интересом.

– Ксюша, а тебя?

– Ксюш, спать иди, – из-за спины слышу взволнованный голос Марины.

Трусиха.

И дура.

Неужели думает, что обижу ребёнка?

– Руслан. Иди, – подталкиваю девочку к двери. – Маму нужно слушаться.

Кажется, я даже слышал облегчённый вздох Веснушки.

– Приходи завтра к нам в гости. У меня день рождения будет... И торт, – на последнем слове засмузилась и убежала, громко стуча голыми пятками.

День рождения...

Меня впервые в жизни пригласили на день рождения, не для того, чтобы получить охренительный подарок в виде дорогой тачки или приличной суммы денег, а просто поесть торт.

Поднимаюсь на ноги и на автопилоте шагаю к двери. Прихожу в себя уже на улице, когда холодный воздух проникает в лёгкие, возвращая утерянный в старой «хрущёвке» разум.

19 октября 2017 г.

«Ты мой новый папа?», – звучит в голове всё утро, а перед глазами веснушчатое лицо девчонки.

Хорошенькая.

Как её мать.

Только я папой становиться не планировал и вряд ли когда-нибудь захочу. То Не моё это. Просрал я уже то время, когда ещё во мне горели мечты о семье.

Юлька, сука дешёвая, отбила всяческое желание.

Да и чужих детей растить... С хрена ли?

Я их не «строгал», не мне и воспитывать.

Бля, с какой стати я вообще об этом задумываюсь?

Нет, нет и ещё раз НЕТ!

Разве что Веснушку немного побалую. Деньжат бы ей подкинуть, а то вчера насмотрелся на её жилище...

Но ведь не возьмёт. Гордая, мать её. А мне надо, чтобы взяла. Может кредит её закрыть? А что? С одной стороны вроде как и ей жизнь облегчу и себе...

И плевать мне, что это как-то нехорошо – покупать её. Я вообще плохой. Пусть привыкает, потому как «танцевать» её буду долго. Взяла меня за жабры крепко... Своей неприступностью.

– Руслан Давидович? Как вы и просили... Я позвал Марину в клинику... – потирает гипс и испуганно зыркает на меня. – Но она отказалась ехать. Сказала, чтобы оставили её в покое и...

– Заткнись, Петрович, – с каждым днём этот червяк раздражает меня всё сильнее. – Ты элементарной вещи сделать не можешь.

Но, в принципе, отказывается она не из-за него. Я тому причиной. А ведь предупреждал её. Решила характер показать? Или цену набивает?

Не вопрос, красавица. Будет тебе аванс.

– Мамочка, а Руслан к нам придёт? – не знаю как ему это удалось, но имя Бешеного не сходит из уст дочери целый день.

– Очень надеюсь, что нет, – выпаливаю раньше, чем успеваю подумать.

Прикусываю язык и украдкой поглядываю на Саньку. Он смотрит на меня, нахмурил брови.

– Почему? – Ксюша задаёт невинный вопрос и, казалось бы, я должна спокойно ей ответить, что он просто нам никто...

Но вместо этого хочется накричать на ребёнка. Чтобы больше не вспоминала его и даже не произносила его имя.

Ведь он действительно нам чужой.

Да ко всему прочему ещё и опасный.

Он же психопат!

Бешеный!

– Потому что он маму обидел, – Саша стискивает кулаки и отворачивается от нас. – Если он ещё раз придёт к нам – я его убью!

– Саша! – рявкаю на сына, хотя внутри разливается тепло.

Всё-таки мне удалось воспитать настоящего мужчину. Да, разумеется, я обязана объяснить ему, что с помощью кулаков ничего не решается, но как же приятно осознавать, что есть такой вот защитник.

– Мамочка, а у нас остались деньги? – Ксюня остановилась у витрины с мягкими игрушками и догадаться не трудно, что сразил её именно огромный плюшевый медведь, а к ним моя дочь питает нежные чувства.

Замечательно...

А денег – кот наплакал.

И это всего лишь второй день моей безработицы.

– Малыш, тебе сегодня можно всё. Но может мы лучше оставим немного денежек? У меня для тебя уже есть подарок. А как на работу устроюсь, куплю тебе медведя. Идёт?

Ксюша послушно кивает, но в глазах появилась такая знакомая мне грусть. Не могу видеть такими своих детей. Сердце из груди вон!

– Саша, держи пакеты с продуктами, – достаю из сумки кошелек и направляюсь в магазинчик.

Плевать я хотела на все проблемы и неурядицы. Нет денег и ладно! Так хотя бы дочь порадую в день её рождения.

А через минуту стою с открытым ртом и бездумно пялюсь на ценник...

А Мишка-то, похоже, золотой... Иначе, почему тогда он стоит, как живой?

Молча разворачиваюсь и иду прочь из магазина, за дверью которого ждёт Ксюша с радостной улыбкой... Ждёт меня и медведя, чтоб его пчёлы сожрали.

И дело-то не в том, что я зажала денег, а в том, что у меня банально не хватает три тысячи рублей.

А потом были слёзы и обиды. Ксюша ведь совсем ребёнок ещё... Не объяснишь малышке, что просто-напросто нет денег.

Санька, правда, быстро её заболтал, за что благодарна своему маленькому мужчине. Однако, осадок остался.

Как не крути – а мать я плохая.

К вечеру обиды забылись – поспособствовал праздничный стол.

Только не суждено мне было отметить день рождения дочери без очередных проблем...

Вернее, одной большой проблемы.

Когда позвонили в дверь, честно говоря, подумала, что это блудный папашка чудом протрезвел и вспомнил о дне рождении Ксюши.

Даже обрадовалась как-то...

Пусть алкаш, пусть сволочь, но всё-таки отец.

Но каково же было моё удивление, когда за дверью оказался Дигоев! Аж ноги подогнулись, пришлось опереться на дверь.

Неужели...

– Не смотри так на меня. Я не к тебе пришёл, – подхватил игрушку с праздничным бантом и, отодвинув меня в сторону своим прущим напролом туловищем, зашёл в квартиру.

Да я даже среагировать не успела!

– Это мне? – Ксюша неверяще взирала то на Дигоева, то на меня, то на большого плюшевого медведя.

Да, того самого медведя...

И как, спрашивается мне теперь его выгнать? Ведь не смогу же Ксюшу так обидеть. Медведь ещё этот... Вот как он узнал? И зачем вообще припёрся?

Дочь обняла мишку со счастливой улыбкой и изрекла:

– Теперь нам будет хорошо с новым папой.

Шок.

И, похоже, не только у меня. Дигоева аж передёрнуло на слове «папа». Что ж, это даже хорошо. Значит, сам сбежит. Главное, подвести его к этому.

Только как я потом в глаза Ксюши посмотрю? Как объясню ей, что этот «новый папа» лишь очередной козёл?

– Чего припёрся?! – а вот сын, судя по всему, не очень рад гостю.

Впрочем, тут мы солидарны.

Дигоев игнорирует выпад Саньки и поворачивается ко мне.

– Стол накрыла?

ГЛАВА 8

Никогда я не видел ничего подобного...

Видел, как радуются новой тачке.

Видел, как кончают от дорогой цапки.

Но чтобы так млели от какой-то игрушки?

Девчонка с ума чуть не сошла, когда увидела этого медведя. Кто бы мог подумать, что я разбираюсь в подарках детям. Охренеть.

Если честно, конечно, я купил этого плюшевого ушлёпка просто так, чтобы не идти с пустыми руками. Некрасиво как-то, ребёнок всё-таки.

Но, как оказалось, попал точно в цель и это радует. Не хотелось бы в глазах Веснушки превратиться в чмо.

Как ни странно, умиляет не только мелкая, но и пацан. Эдакий мамкин защитник. Даже его хамство не раздражает. А может просто действуют «колёса», которыми я закинулся от души. Нехорошо будет, если у меня планка рухнет в присутствии детей.

Марина смотрит на меня так, словно я оторвал голову любимой кукле ее дочери. Пацан вообще сопит недовольно. И только девчонка взирает на меня с таким восхищением, как будто я подарил ей Вселенную.

Странные существа эти дети... Их купить невозможно, но так легко расположить к себе с помощью одного дебильного подарка, что становится смешно и одновременно страшно за будущее страны.

– Ты будешь оливье? – мелкая пододвигает ко мне миску с салатом и с торжественным выражением лица накладывает мне на тарелку что-то похожее на...

На уже кем-то пережёванную еду.

Надеюсь, не поморщился.

А вот девчонка ест с аппетитом. Да так, что самому захотелось попробовать, о чём, собственно, не пожалел.

Не то, чтобы я был голодным, но Веснушкина стряпня оказалась намного вкуснее ресторанной жратвы, и вскоре пустой посуды на столе стало больше.

Марина всё это время наблюдала за мной, не проронив ни слова. Ну и хорошо. Меньше трахает мозг – дольше находится в безопасности.

Пацан с угрюмым выражением лица ковырялся в своей тарелке и мне хотелось вlepить ему подзатыльник, чтобы своей кислой миной не портил мелкой праздник.

Когда дело дошло до торта, я уже с трудом дышал. Для себя решил, что обязательно найму повара, потому что до этого, оказывается, я питался дерьмом.

И всё бы замечательно, да только полуживая Марина меня не устраивала. Ведёт себя так, словно я уже сделал ей что-то плохое.

А мне не на руку это.

Мне бы в кочку её затащить. И желательно сегодня. А ещё, было бы замечательно, если бы она детей уложила спать.

– Марин, ты мелких оставь пока. Нам пообщаться надо, – поймал на себе испуганный взгляд.

– Мама никуда не пойдет с тобой, – ожил малолетний засранец.

– Пойдём, – я поднялся из-за стола и взял её за руку, игнорируя вскочившего сопляка.

Ну не бить же мне его, в самом деле.

– Мама никуда не пойдёт! А ты проваливай! И забери свои подачки! – швырнул на стол двести баксов, по всей видимости, те, что я вчера Веснушке оставил, и коробку с подвеской.

Вот сучок сопливый, блять!

Марина удивленно вздернула брови, уставившись на коробку.

И хотела бы знать, что там, да гордость мешает.

– Отдай это матери и больше не смей повышать голос на старших. Марина, жду тебя в машине, – пошел к двери, где меня догнала девчонка.

– Спасибо за Мишку, – взяла меня за руку и потянула вниз.

Присел рядом с ней.

– А тебе спасибо за торт. Еще что-нибудь хочешь?

– Хочу... Женись на моей маме.

Финиш.

У меня даже челюсть отвисла.

Вот до чего доводит хорошее отношение.

Люди на голову вылезают.

Правда, в данном случае, как-то не так вроде. Ребёнок ведь. Наивная...

– Чтобы жениться нужно любить друг друга. А мы с твоей мамой... Всего лишь друзья.

Друзья не женятся.

Да, я мог бы навешать мелкой лапши на уши. Мог бы при желании и её матери навешать.

Только какой в этом смысл?

– А ты разве не любишь маму? – да, девчонка прямая, как дверь.

Чтобы трахать любить не обязательно. Только ребёнку-то этого не скажешь.

– Ксюш, иди к Саше. Нам с дядей Русланом нужно поговорить, – слышу голос Веснушки.

Девчонка заглядывает мне в глаза, словно ищет там ответ на какой-то из своих коварных вопросов.

– Ты придёшь завтра?

– Приду, – шепчу девчонке на ухо.

Это то, что я могу пообещать, потому что действительно приду. Правда, Веснушке этого пока знать не нужно.

На улице холодно, сыро, мерзко.

Особенно отвратительно после такого уютного вечера.

Паршиво даже. И ощущение такое, словно что-то там оставил.

– Садись, – открываю дверь машины, но Марина не торопится.

Отходит от меня на добрых полметра и складывает руки на груди.

– Что тебе нужно от меня? – тон холодный, даже враждебный.

Не люблю я этого.

И строптивость её бесит.

Надо бы заняться воспитанием Веснушки.

И начну, пожалуй, прямо сейчас.

– Сама знаешь, что мне нужно. К чему эти вопросы? Давай, в машину садись. Холодно.

– А если не сяду? – правильный вопрос.

Осознаёт, значит, что я не уйду ни с чем.

– Тогда я увезу тебя силой.

– Куда? – старается не терять лицо, но голос дрожит, что заводит меня похлеще покорности.

– В гостиницу поедем.

Если сейчас спросит зачем, у меня припадок случится. Не девочка же, блять. Откуда наива столько?

– А если я не хочу? – надо же, не угадал.

– За то хочу я. Ты же понимаешь, что будет по-моему? Всего одна ночь в гостинице и я оставлю тебя в покое. Вернёшься на работу и заживешь прежней жизнью.

Она молча шагает ко мне и садится в машину. Умная девочка.

Едем по ночным улицам Питера в тишине. Она смотрит в окно с каким-то обречённым выражением лица, а я смотрю на неё.

Что-то цепляет в этой обычной с первого взгляда девушке. Даже женщине.

Не похожа она ни на одну из тех, кого я катал по гостиницам раньше. Похоже, травма головы внесла коррективы в мои предпочтения.

А, плевать.

Ей же лучше.

Молодая, симпатичная баба, а живёт, как монашка.

А тут и оттрахают, и денег дадут. Разве плохо?

Но у меня какое-то странное чувство, что что-то не так. Как-то неправильно это, что ли?

Он открывает дверь номера и подталкивает меня в спину. А мне бежать хочется. Так быстро и далеко, насколько это вообще возможно.

Только смысла в том нет.

Он придёт ко мне домой, к моим детям.

В номере темно и мне становится не по себе, когда дверь сзади закрывается и полоска света из коридора исчезает.

Не включая свет, он притягивает меня к себе и, уткнувшись мне в шею, шумно втягивает воздух. Мурашки по телу и сердце пускается в галоп.

– Скажи мне, ты боишься? – шепчет, опалая мою щеку горячим дыханием, что вызывает новую волну дрожи.

– Нет, я не боюсь. Я просто хочу, чтобы это поскорее закончилось, – повела плечами, пытаясь сбросить с себя его руки. – Очень надеюсь, что после этого ты забудешь мой адрес и больше не появишься в моём доме.

– Так и будет, Веснушка. Но сейчас ты должна думать о другом – как ублажить меня. И не надейся, что отделаешься за час. Я люблю трахаться много, долго и часто.

ГЛАВА 9

Он берёт меня за руку и ведёт к кровати, что виднеется при лунном свете. Возможно, это было бы даже романтично...

Только в принуждении к сексу мало романтики.

Я хочу вырваться и бежать. Закричать и ударить его. Из окна выброситься, на худой конец!

Только это всё фантазии.

Сделать так я не смогу.

У меня дети... И раз уж я позволила чудовищу проникнуть в мой дом, то теперь просто обязана выполнять все его прихоти.

Я больше, чем уверена, что он может причить вред как женщине, так и ребёнку. Так пусть его жертвой буду только я.

– Сними свою одежду.

Голос тихий, глубокий, кажется, что он заполняет меня изнутри. Высокий, огромный. Как скала...

Могущественный и властный.

Что-то есть в нём от зверя.

Ему бы сейчас какую-нибудь развязную девицу с силиконовыми губами и грудью... А не меня – зачуханную мать-одиночку, что салон красоты в глаза не видела.

Молча раздеваюсь – подозреваю, что не особо эротично, но настроение, прямо скажу, не игривое.

Бросаю вещи на кресло и разворачиваюсь к нему.

– Бельё тоже.

В этот момент радуюсь в душе, что надела сегодня новый комплект...

Было бы невыносимо стыдно оказаться перед ним в хлопчатобумажных трусах.

Впрочем, это пошло бы мне на руку.

– Ложись на кровать, – снимает с себя футболку и принимается за ремень.

А я смотрю на его торс и с трудом сдерживаюсь, чтобы не ахнуть.

Что тут скажешь, мне таких мужчин доводилось видеть только в кино. Почти Аполлон...

Если бы не множество шрамов, о происхождении которых я не хочу ничего знать.

Без одежды он кажется ещё больше.

Почувствовала себя малюсенькой мышкой в лапах огромного кота, которому проглотить свою жертву – дело пары секунд.

– Можно я уйду? – голос звучит слабо, почти не слышен, но у него, видимо, стопроцентный слух, потому что в следующее мгновение его правильные черты искажает саркастическая ухмылка.

– В чём дело, Веснушка? Ты же ещё даже без штанов меня не видела, – что-то мне подсказывает, что, то, что у него в штанах мало меня утешит.

В чём дело...

Да в том, что я уйти хочу.

Сейчас.

– Я не хочу так, понимаешь?

– Поздно, Веснушка. Ложись на кровать, – не понимает.

А дальше всё, как в замедленной видеосъёмке. Словно всё это происходит не со мной.

Он раздевается без всякого стеснения. Достает из кармана презерватив и, не сводя с меня напряжённого взгляда, раскатывает его по всей длине.

Ложится рядом, смачивает свои пальцы слюной и проводит ими у меня между ног. Вздрагиваю от давно забытого ощущения ласки и инстинктивно подаюсь вперёд.

Что ж, всё не так плохо.

Пожалуй, я смогу это пережить.

Увы, я погорячилась с выводами.

Он врывается в меня резко, грубо.

Больно.

Стискаю челюсти и сминая пальцами простынь.

Сумасшедший.

Бешеный.

Тихо всхлипываю, когда он делает первый толчок, а затем останавливается.

– Что-то не так? – похоже, Господин недоволен. – Ты чего такая тесная, Марин?

Странный, конечно, вопрос.

Может потому, что у меня было всего два мужчины и он второй?

Впрочем, его это не касается.

– Всё нормально, – закрываю глаза и отворачиваюсь.

Не хочу видеть его лицо. Не хочу даже ощущать его присутствие. Но, увы, когда тебя грубо имеют – абстрагироваться сложно.

– Смотри на меня! – повышает голос и толкается так сильно, что глаза наполняются слезами.

Не знаю, за что это мне...

Но то, что происходит – похоже на страшный сон.

– Не надо, – упираюсь ладонями в его каменную грудь, но Бешеный уже потерял человеческий облик.

Сейчас он больше похож на дикого зверя, которому чужды человеческие чувства. В особенности, сострадание и жалость. Да, я даже согласна выглядеть сейчас жалкой, лишь бы этот кошмар закончился.

Даже не знаю, почему так сорвался. Напряжёнка как-то по нервам полоснула и это её: «Можно я уйду?» – стало последней каплей.

Она выходит из ванной, не смотрит на меня и, наверное, не дышит.

Торопится сбежать.

Наверное не надо было так резко... Судя по её узенькой дырочке – там не многим посчастливилось побывать.

А я оттрахал, как танком проехал – вон как от боли кривится.

– Можно я пойду? – издевается она, что ли?!

– Куда ты так торопишься? Утром отвезу домой. У тебя сын большой уже – присмотрит за сестрой. Иди сюда.

Она ёжится и, обняв себя руками, застывает на месте. Да ладно? Как целку её умолять? Что-то дохрена она ломается.

– Ты не пойдёшь домой сейчас. Утром отвезу, – повторяю с нажимом, но Марина не двигается с места.

– Пожалуйста... Ты ведь получил, что хотел. Отпусти меня. Мне нужно...

– Тебе нужно делать то, что я сказал! – рявкаю на Веснушку и та вздрагивает.

Склонив голову, идёт ко мне и ложится рядом прямо в полотенце.

Смотрит в потолок, трясётся, как от лихорадки.

– Ляг мне на грудь, – вот понятия не имею, чего мне так приспичило.

Наверное, Юльку напонила...

Та всегда на моей груди засыпала.

Сука грёбаная. И ведь не замечал в ней всей той гнили. С ума сошел. Любил даже.

Веснушка больше не спорит, кладёт голову мне на грудь и нервно сглатывает.

– Не бойся меня, Марин. Ты главное будь послушной. Я не люблю, когда женщина мне перечит. Если будешь хорошей девочкой – всё для тебя сделаю, – поглаживаю её по обнажённой спине, в то же время стаскивая влажное полотенце.

– Как это?... Ты же сказал, что оставишь меня в покое! – вскакивает, а в глазах паника.

Ну вот тут, да... Обманул. Погорячился, вернее. Откуда же я знал, что она мне настолько понравится?

Хотя, вру, конечно.

Знал.

Ещё при первом взгляде на неё запал.

– Ещё рано. Пока со мной будешь.

Тяну её на себя и с удовольствием замечаю, что Марина не сопротивляется. Правильно. Не стоит меня расстраивать.

Кожу груди вдруг обжигают Веснушкины слёзы – расстроилась. Видать, действительно, больно сделал.

– Ничего, не плачь. Скоро привыкнешь ко мне.

– Я не хочу к тебе привыкать. Я боюсь тебя, понимаешь? Ты ненормальный, – стонет сквозь слёзы, а у меня опять встаёт.

Я кретин и сволочь. В курсе. Но я и не скрываю этого. В конце концов, могу себе позволить быть сверху во всех смыслах.

– Хватит причитать, Марин. Лучше минет мне сделай. Или ты предпочитаешь в попу? – а что, трахнуть её круглую аккуратную попку я совсем не прочь.

Веснушка резко вскакивает, отчего небольшие, но очень сочные сисечки колышутся в такт движениям. Слюнями можно подавиться, глядя на эти груди.

– Я не собираюсь... – что именно она там не собирается я не знаю, но рот ей на всякий случай закрываю.

Разъяренно дышит мне в ладонь, но не двигается, видимо, осознав, что я не играю.

– Замолчи, женщина. Больше никогда не смей мне перечить. Я не стану предупреждать тебя в третий раз. Встала на колени и взяла в рот. Живо.

В глазах слёзы, а губы дрожат от беззвучных рыданий. Хреново. Не нравится мне это. Абсолютно.

Может денег ей предложить побольше? Успокоится тогда?

Или продолжит набивать себе цену?

Не вовремя как-то.

Мне бы напряг скинуть, а потом можно и поиграть в «соблазни девственницу».

– Скажи мне, сколько стоит твой ротик, Веснушка?

Пощёчина получилась звонкой, сильной... Я даже не знала, что умею так. Даже не подозревала, что могу настолько разозлиться. И нет, я не жалела. Подонок заслужил намного больше, да только я не способна на большее. И это было для меня чересчур.

Слишком.

Свою никчемность и беспомощность перед ним я осознала уже в следующее мгновение, когда прилетела отдача...

Нет, он не ударил.

Но лучше бы ударил, чем так...

– Зря ты это, Марина, – голос стальной, взгляд холодный, колючий.

Мурашки по телу от страха.

И я не зря боялась его. Большого чудовища за всю жизнь ни разу не встречала. Даже мой бывший, в каком скотском состоянии не был – не позволял себе такого.

Он медленно намотал мои волосы на свой кулак и рванул к себе так сильно и яростно, что из глаз брызнули слезы. Даже не от боли. От обиды.

Застонала, попыталась вырваться, но этим только доставила себе новую боль.

– Знаешь, как я наказываю за неповиновение? – прошептал мне на ухо, видимо, испытывая свое садистское удовольствие.

Нет, я не хотела знать...

Только не это...

– Я зверски хочу попробовать твою попу. Ты дашь мне её?

– Не надо, Руслан. Прошу, выслушай меня. Не злись, – начала вспоминать всё, что постигла в институте, а затем, за годы своей работы в клинике.

Во-первых, нужно обращаться к больному по имени – это успокаивает и создаёт видимость доверительных отношений.

Во-вторых, в таких случаях обязателен физический контакт, как бы мне не хотелось избежать этого.

Положила руку ему на грудь, а он удивлённо уставился. Похоже, вспышку гнева у меня получится погасить... Только что делать потом? Как вырваться от него?

И что будет, если мне всё же удастся сбежать?

Он ведь знает мой адрес.

Он в любой момент может заявиться к моим детям!

Остался только один выход – полиция.

Разумеется, таких, как Дигоев не сажают в тюрьму из-за нищетолюбия, вроде меня, но хотя бы запретят ему приближаться... Наверное.

– Я не та, кто тебе нужен, понимаешь? Я не хочу быть здесь... Я хочу уйти к своим детям. Они ждут меня. Прошу, Руслан... Отпусти меня к ним.

Наверное, в нём всё ещё живёт человек. А может мне просто показалось, что его глаза блеснули пониманием. Лучше бы не показалось.

– Веснушка... – он тяжело дышал, словно пробежал марафон.

Похоже, только сейчас он пришёл в себя и я осознала, что всё это время разговаривала не с ним, а с бешеным зверем, что живёт внутри него.

Правда, я снова ошиблась. Не живёт в нём никакой зверь. Он и есть этот самый зверь.

Волосы на затылке снова натянулись, а его лицо исказила злая усмешка.

– Какая же ты... Веснушка. Думаешь, этой вашей психологической болтовнёй можно успокоить такого ублюдка? Неет, – прошептал мне в лицо и впился болезненным поцелуем в губы.

И нет, больше я не сопротивлялась.

Позволила ему опрокинуть меня на кровать, перевернуть на живот и даже раздвинуть мои ягодицы.

Слышала, как он зубами открывает презерватив. Чувствовала, как смачивает меня слюной и растирает...

Закрыла глаза и замерла.

Бесполезно сражаться с таким...

Я сама запрыгнула в яму со зверем.

Сама залезла в эту ловушку.

Боль.

Ужасная, разрывающая боль пронзила моё тело, а его горячее дыхание опалило шею.

– Вот видишь, Веснушка, как я наказываю за непослушание? Запомни хорошенько, – придавил меня своим телом, толкнулся бёдрами и новая волна боли пронзила меня, словно острым ножом.

Вскрикнула и, зажав себе рот рукой, зажмурилась. Я не должна плакать. Не сейчас, когда лежу под этим извергом, распластанная и беспомощная. Ни за что не заплачу. Ради своих детей выдержу всё, что он сделает со мной. Выдержу и вернусь к ним. И снова буду делать вид, что всё хорошо. Что мне не больно. Что я забыла.

Он двигался медленно, как будто растягивал удовольствие. Я бы даже сказала аккуратно, если бы не понимала, что ему абсолютно наплевать на мои ощущения от первого и, надеюсь, последнего анального секса. Входил в меня не полностью, но от этого боль не стала меньше.

Столько унижения...

Как же мерзко это.

Как мучительно долго это длится.

– Я буду трахать тебя всю ночь, – прозвучало над ухом, как подтверждение моих опасений. – Привыкай, так будет теперь всегда. По крайней мере, до тех пор, пока я тебя хочу, – и снова врывается в меня, только на этот раз во влагалище.

Сдерживаю очередной стон и упрямо молчу, хотя хочется сказать ему много чего... Увы, это не пойдёт мне на пользу. Как не пошло на пользу общение с этим психом. Я должна была догадаться, чем всё это мне выльется.

– Не переживай, я хорошо тебя отблагодарю, – и вбивается в меня с такой силой, что кровать бьётся о стену. – Всё, чего только пожелаешь, моя Веснушка.

ГЛАВА 10

20 октября 2017 г.

Марина лежала рядом с отсутствующим видом. Как будто она мысленно где-то далеко. В какой-то своей нирване. А я, грёбанный мудака, просто не знал, что со всем этим теперь делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.